
ЧЕЛОВЕК ВТОРОГО
ПЛАНА В ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Общество интеллектуальной истории
Южный федеральный университет

В ТЕНИ ВЕЛИКИХ

о б р а з ы   и   с у д ь б ы

Санкт-Петербург   АЛЕТЕЙЯ   2010

УДК 930.9(092)
ББК 63.(0-8)
В11

Редакционная коллегия:

Л.П. Репина (ответственный редактор), *Н.А. Мининков*
(зам. ответственного редактора), *П.А. Аваков, В.Ю. Апрыщенко,*
А.Е. Иванеско, А.В. Корневский, В.С. Савчук, А.А. Харченко

В11   В тени великих: образы и судьбы: Сборник научных статей. Серия «Человек второго плана в истории» / Отв. ред. Л.П. Репина / Общество интеллектуальной истории, Южный федеральный университет. — СПб. : Алетейя, 2010. — 400 с.

ISBN 978-5-91419-354-3

Сборник «В тени великих: образы и судьбы», открывающий серию книг «Человек второго плана в истории», является итогом пятилетней работы над одноименным проектом, инициированным Ростовским региональным отделением Российского общества интеллектуальной истории. В статьях сборника представлена галерея портретов ярких неординарных личностей, оставивших заметный след в истории, но по тем или иным причинам не удостоившихся славы ее «творцов». Издание адресовано специалистам-гуманитариям и всем, интересующимся «персональной» историей.

УДК 930.9(092)
ББК 63.(0-8)

Книга издана при финансовой поддержке Л.А. Шаулова

ISBN 978-5-91419-354-3

© Общество интеллектуальной истории, 2009
© Южный федеральный университет, 2009
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Л. П. РЕПИНА (МОСКВА)

ОТ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ К БИОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ:

*«...кто выбрасывает из истории индивида,
пусть хорошенько приглядится — он непременно заметит,
что либо, вопреки своим намерениям, никого не выбросил,
либо вместе с индивидом выбросил и саму историю».*

Б. Кроче¹

Историческая биография, подразумевающая исследование и описание жизни выдающейся исторической личности, является неотъемлемой составляющей европейской историографии со времен Плутарха. И, хотя на протяжении многих веков положение исторической биографии в семье «старших» и «младших» историографических жанров менялось, ей по праву принадлежит статус самого популярного жанра исторических сочинений. Несмотря на суровую критику, которая нередко звучала в адрес историко-биографического жанра с разных сторон (особенно в XX столетии), он неизменно пользовался успехом как среди историков-профессионалов, которым предоставлял максимальную возможность для самовыражения (хотя бы в выборе героя), так и у широкой читающей публики, движимой не только обывательским любопытством, но и неистребимым стремлением к самопознанию². Биографии известных людей прошлых эпох, помимо прочего, всегда служат своеобразным зеркалом, глядя в которое читатель может многое узнать и о себе.

Конечно, профессиональный историк, придерживаясь корпоративных норм и конвенций, рассматривает и пытается понять своего героя (или антигероя) в контексте той эпохи, в которой тот жил, но не случайно главной среди обсуждаемых методологических проблем биографии как жанра исторического исследования была и остается проблема взаимодействия этих

¹ Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998. С. 65.

² Историческая биография как литературная форма всегда была важным средством для понимания тех сил, которые движут действиями людей. Сама же привлекательность этого жанра, как подчеркивают психологи, опирается «на наш устойчивый интерес к жизни других людей, в которых мы можем найти отражения нас самих, предостережения об опасностях и просто удовлетворение нашего любопытства относительно опыта других людей...» (Shore M. F. Biography in the 1980s. A Psychoanalytic Perspective // Journal of Interdisciplinary History. 1981. V. XII. № 1. P. 113).

двух субъектов: с одной стороны, «герой биографии, вписанный в свое время и неразрывно связанный с ним, с другой — автор, биограф, испытывающий столь же глубокую и разностороннюю зависимость от своей эпохи, своего времени. Это диалектическое противоречие и определяет особенности жанра биографии. В биографии как ни в каком ином жанре автор выражает самого себя через того героя, которому посвящено его исследование, а через себя — и особенности, и требования, и сущность своего времени»¹.

В XIX — первой половине XX века историческая биография получила широкое распространение в традиционной политической истории, значительная часть которой состояла из жизнеописаний государственных деятелей, хотя со временем в них все больше внимания стало уделяться частной и внутренней жизни героев, а не только их карьере. И все же в прошлом столетии под «биографией в полном смысле слова», в полном соответствии исторически сложившимся канонам, понималось исследование и описание жизни выдающейся личности, политических и государственных деятелей, представителей науки, культуры, искусства, но не просто действующих лиц истории, а ее героев, «вечных спутников человечества», которые, «... некогда появившись, проходят затем через века, через тысячелетия, через всю доступную нашему умственному взору смену эпох и поколений...»². Однако в последней четверти XX века пространство применения биографического метода существенно расширилось и изменило свою конфигурацию: наряду с размахом коллективных биографий возросло число индивидуальных жизнеописаний людей, которых никак не назовешь выдающимися историческими деятелями. В большой мере это объясняется общим изменением отношения к человеческой индивидуальности и тенденцией к персонализации предмета истории. Биографический элемент в истории обрел новое качество: не забывая о «внешней», «публичной», «профессиональной», или «карьерной», биографии, историки стали все больше внимания уделять изучению частной, приватной, интимной, эмоционально-чувственной, внутренней жизни — «истории души» своего героя. При этом также обнаружилось, что биографии, казалось бы, ничем не примечательных «простых», «рядовых» людей могут пролить свет на многие неизученные аспекты прошлого.

Современная историческая биография не ограничивается повествованием о жизненном пути исторического персонажа, а представляет собой историческое *исследование*: это история, показанная через личность. Новая биографическая история, поставив во главу угла анализ деятельности индивида, индивидуального сознания и самосознания, личного интереса и целеполагания, помогает, в конечном счете, ответить на вопрос, каким образом и в ка-

---

¹ Павлова Т.А. Психологическое и социальное в исторической биографии // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М., 1995. С. 86.

² Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1973. С. 3.

кой степени унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а тем самым и весь ход событий и их последствия), и какую роль играли в этих границах индивидуальный выбор и инициатива¹. В результате веками устоявшаяся форма историко-биографических исследований наполнилась новым содержанием, их предметное поле существенно расширилось, а «номенклатура» неизмеримо выросла за счет жизнеописаний людей, которые выступали как реальные агенты, акторы, т. е. *действующие лица* истории, но отнюдь не на главных ролях и не могут быть формально причислены к выдающимся историческим деятелям. Несмотря на определенный методологический эклектизм, ориентацию на принципиально различные исследовательские стратегии (от моделей рационального выбора до теорий культурной и гендерной идентичности или до психоистории), общая установка персональной, или новой биографической истории состоит в том, что реконструкция личной жизни и неповторимых судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира рассматриваются *одновременно* — и как главная цель исследования, и как одно из эффективных средств познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали². Речь идет о концентрации внимания на частном, индивидуальном, уникальном в конкретных человеческих судьбах и, одновременно, — об изначально заданной принципиальной установке на выявление специфики и вариативности разноразмерного социального пространства, полного спектра и пределов тех возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного культурно-исторического контекста.

В исследованиях подобного рода привлекает исключительно взвешенное сочетание двух познавательных стратегий. С одной стороны, они сосредотачивают внимание на так называемом культурном принуждении, а также на тех понятиях, с помощью которых люди постигают окружающий мир. С другой стороны, в них достаточно последовательно выявляется активная роль

¹ Формулируя задачи и принципы такого рода исследований, Ю.Л. Бессмертный писал: «...на первом плане нашего поиска — конкретный человек, его индивидуальное поведение, его собственный *выбор*. Мы исследуем эти сюжеты отнюдь не только потому, что хотим знать, насколько *типичны* (или нетипичны) поступки этого человека, но ради понимания его как такового, ибо он интересует нас сам по себе. Пусть этот человек окажется из ряда вон выходящим. И в этом случае мы признаем его заслуживающим внимания. Ведь самая его уникальность раскрывает нечто от уникальности его времени». *Бессмертный Ю.Л. Метод // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени // Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 2000. С. 23.*

² Подробно о становлении и развитии этого направления в западной историографии в 1990-е годы, о его методологических стратегиях, достижениях и нерешенных проблемах см.: *Репина Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. М., 1999. С. 76–100.*

действующих лиц истории и тот — специфичный для каждого социума — способ, которым исторический индивид, в заданных и не полностью контролируемых им обстоятельствах, «творит историю», даже если результаты этой деятельности не всегда и не во всем соответствуют его намерениям.

В наиболее интересных работах, выполненных в русле персональной, или новой биографической истории, яркие достоинства исторической биографии, позволившие ей в течение многих столетий оставаться популярнейшим жанром историописания, оказываются вполне релевантными задачам современной историографии, которая, с учетом уроков «лингвистического поворота» и его критического осмысления, стремится отойти от крайностей сциентизма и добиться воссоединения истории и литературы на новом уровне понимания специфики исторического знания. Новая биографическая история использует в качестве источников самые разные материалы, содержащие как прямые высказывания личного характера (письма, дневники, мемуары, автобиографии), так и косвенные свидетельства, фиксирующие взгляд со стороны, или так называемую объективную информацию. Однако, разумеется, основное внимание уделяется анализу персональных текстов, или источников личного происхождения, в которых оказывается запечатленным индивидуальный опыт, его эмоциональное переживание и тот или иной уровень осмысления. Такие «ненадежные», «субъективные» источники, как дневники, письма, мемуары и другие продукты творческой деятельности индивида, в которых запечатлен его эмоционально-психический и интеллектуальный мир, его самосознание и жизненный опыт, вышли на первый план не вопреки, а именно благодаря своей субъективности. Нельзя не отметить и то особое значение, которое придается в новой биографической истории выявлению *автобиографической* составляющей разного рода эго-документов, анализу именно *персональной* «истории жизни» — автобиографических повествований в самом широком смысле этого слова¹.

Вместе с тем, — и это не менее важно — в так называемых эго-документах (источниках личного происхождения) личность предстает перед нами не изолированной, а взаимодействующей с другими личностями, со своей социальной средой, с окружающим миром в самых разных его проявлениях, с культурными и интеллектуальными традициями. И без анализа этого взаимодействия невозможна никакая персональная история, главным предметом исследования которой является «история одной жизни» не только во всей ее уникальности, но и в достижимой полноте. Изъятие неотъемлемой социокультурной составляющей из истории индивида неизбежно нанесло бы непоправимый ущерб пониманию последнего. Впрочем,

---

¹ Об этом подробно см.: *Безрогов В. Г.* Историческое осмысление персонального опыта в автобиографии // *Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты)*. Сборник научных трудов памяти К. Д. Авдеевой. Иваново, 2000. С. 130–174.

эта методологическая проблема относится в историографии к числу вечных. О ней размышляли, хотя и по-разному, практически все теоретически мыслящие историки¹.

Конечно, личная жизнь и внутренний мир человека прошлого, тем более отдаленного — не открытая книга, и здесь многое ускользает от исследователя: «Жизнь каждой личности состоит из бесконечного множества моментов, состояний ума, мыслей и фантазий, исчезающих в беспросветном и бездонном колодезе времени. Мы можем лишь попытаться раскрыть — через сохранившиеся письма, сочинения, документы и воспоминания — некоторые фрагменты жизни этой личности, которую мы хотим спасти от забвения. К несчастью, неизбежно, то, что получается в результате, имеет несовершенный сюжет с неустановленным ритмом развития. Но даже короткое мгновение жизни, вырванное из пасти времени, бесценно»². Между тем, нельзя не признать, что при всех своих естественных ограничениях и, несмотря на наличие серьезных эпистемологических трудностей, обновленный и обогащенный принципами микроистории биографический метод может быть очень продуктивным. Одно из преимуществ такого «персонального» подхода состоит именно в том, что он «работает» на экспериментальной площадке, максимально приспособленной для практического решения сложных теоретических проблем, которые ставит перед исследователем современная историографическая ситуация и ответа на ключевые вопросы: чем обуславливался, ограничивался, направлялся выбор решений, каковы были его внутренние мотивы и обоснования, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия индивида, как воспринималось расхождение между ними, насколько сильны и устойчивы были внешние факторы и внутренние импульсы. Динамика внутреннего мира индивида самым последовательным образом соотносится с его жизненными обстоятельствами, с перипетиями личной судьбы, с его собственной деятельностью, наконец, с существенными изменениями во включающей его конфигурации социальных взаимосвязей. Элиминировать все эти и многие другие факторы становления и развития личности — значит до предела сужать диапазон возможностей исследователя.

В связи со сказанным уместно вспомнить исключительно точное определение объекта и предмета биографии, данное в свое время Э.Ю. Соловьевым:

¹ Так, например, выдающийся русский историк Л.П. Карсавин, рассуждая о типах исторического исследования, писал: «Есть две “преимущественно” или “собственно” исторических области: область развития отдельной личности и область развития человечества... Однако надо считаться с тем, что нет личности, качественно только собою, отъединенной от других таких же, как она, личностей, от высших индивидуальностей: общества, культуры, человечества... История индивидуальности неуловимо и неизбежно переходит в историю вообще». Карсавин Л.П. *Философия истории*. СПб., 1993. С. 82–86.

² Viroli M. *Niccolo's Smile: A Biography of Machiavelli*. N. Y., 2000. P. 87.

«Непосредственным объектом биографии является жизнь отдельного человека от момента рождения до момента смерти. Однако предметом, на который направлено основное исследовательское усилие биографа, каждый раз оказывается *социальная и культурная ситуация*. Только по отношению к последней описываемая жизнь приобретает значение истории, особой смысло-временной целостности, к которой применимы понятия уникальности, событийности, развития, самоосуществления»¹.

Более того, для создания развернутой биографии личности необходимо знание эмоционально-психологического, социального и интеллектуального опыта индивида, то есть предшествовавшей истории его жизни, его прошлого, из которого складывается состояние, обуславливающее его мысли и действия в текущий момент времени, на данной стадии его жизненного цикла, в определенной конфигурации межличностного взаимодействия. Основная идея состоит в погружении как в жизнь героя, так и в конкретную ситуацию. Историк должен найти ответ на вопрос: «Если бы я был этой другой личностью с соответствующим индивидуальным жизненным опытом и культурной памятью, взглядами и убеждениями, представлениями и ценностями, желаниями и слабостями, как бы мог я себя чувствовать, рассуждать и действовать при таких же обстоятельствах, в том же пространстве времени и места?».

Краеугольным камнем биографического подхода в интеллектуальной истории является понимание неразрывности связи между жизнью и творчеством личности, между фактами психологической и интеллектуальной биографии. Центральным в полемике между ее энтузиастами и скептиками оказывается вопрос об *отношении между идеями и жизнью*, «между тем, как мы думаем, и тем, как мы живем»². В свое время поразительно точно выразился о связи идей и личностей Карл Ясперс: «...Мысль целиком жива для нас только вместе с человеком, который ее мыслит. В философской мысли мы ощущаем личное существо, для которого она имела значение. Поэтому в историческом созерцании мы ищем философов, а не только свободно парящие мысли»³. И далее: «История философии — это проявление людей, живущих мысля. Что такое человек и каким образом он существует, неотделимо от того, как он понимает мир, себя самое, бытие. Философские мысли получают свое значение благодаря отношению к действительности мыслящего, благодаря ее проясняющей, формирующей, сообщающей уверенность и веру и удостоверяющей их силе»⁴.

Биография может по праву называться исторической, только будучи помещенной в исторический контекст, причем взятый во всех его пересекающихся аспектах. Вот почему обстоятельный анализ интеллектуального

¹ Соловьев Э. Ю. Биографический анализ... Статья вторая. С. 138.

² Postel D. The Life and the Mind // URL The Chronicle of Higher Education / <http://chronicle.com>.

³ Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. СПб., 2000. С. 159.

⁴ Там же. С. 184.

контекста является всего лишь необходимым, но отнюдь не достаточным для создания полноценной интеллектуальной биографии: она требует более глубокого погружения в социокультурную среду и выяснения динамики изменений на всех ее уровнях и направлениях, поскольку формирование в обществе новых ценностных ориентиров и нравственных идеалов не только отражается на исходных предпосылках и постановке проблем, но во многом определяет и результаты когнитивной и рефлексивной деятельности. Биография крупного мыслителя, хотя она, как правило, лучше обеспечена источниками, наталкивается на те же трудности, что и любая другая, и требует не меньшей точности в социальных характеристиках: «Личность формируется главным образом, благодаря современным интеллектуальным веяниям и течениям, свойственным специфической социальной группе, к которой она принадлежит. Иными словами, она никоим образом не подвержена влиянию духа времени в целом, ее привлекают только те течения и тенденции времени, которые в качестве живой традиции сохраняются в ее специфической социальной среде. Но даже и эти частные традиции, а не другие, укореняются и утверждаются во внутреннем мире в конечном счете благодаря тому, что дают наиболее адекватное выражение характерным “возможностям” его жизненной ситуации»¹.

Хотя биографический жанр, несомненно, поощряет последовательно-линейное истолкование событий, следует помнить о том, что связь одной социокультурной ситуации с другой имеет более сложный характер и сопряжено с действием многообразных факторов. По словам историка философии Т. Мура, философы — не просто «гиганты, стоящие на плечах друг друга». Они существуют в определенных идейных и социальных контекстах; «они реагируют на *фигуры, которые выпали из нашего поля зрения* (курсив мой — Л.Р.)», но которые, однако, *помогли сформировать целостное интеллектуальное пространство* философской мысли². По существу, без биографического измерения интеллектуальной жизни понимание самих идей оказывается неполным. И, добавим, это понимание оказывается неполным и, более того, существенно искаженным, также без фигур «второго плана», тех, кто делает свое дело, пребывая в тени гениев: без них невозможно — ни в статике, ни в исторической динамике — представить себе само пространство интеллектуальной жизни, пронизанное множеством связей и опосредований.

Наиболее оптимистические оценки перспектив интеллектуальной биографии связываются с синтезом биографического, текстуального и социокультурного анализа, что соответствует максимально расширительному пониманию

¹ Мангейм К. Проблема поколений // *Его же*. Очерки социологии знания. М., 2000. С. 51.

² The Chronicle of Higher Education: 6/7/2002 // URL The Chronicle of Higher Education / <http://chronicle.com>.

задач современной интеллектуальной истории. Знание контекста позволяет понять силы, управлявшие индивидом в конкретной ситуации и формировавшие его поведение, однако на пути осознания и репрезентации взаимосвязанности условий, поступков, идей, интеллектуальных задач и способов их разрешения исследователя-биографа ждут немалые трудности. К этому надо добавить новые проблемы, связанные с выходом из границ пантеона «канонических фигур», с наметившимся вниманием к авторам «второго и третьего плана», к распространению и бытованию идей, а не только к их рождению, к практической стороне интеллектуальной деятельности и повседневной жизни конкретных интеллектуальных сообществ. Но социальное неразрывно переплетается с темпоральным: социальное измерение биологического времени человеческой жизни (время биографии) не совпадает со временем истории, ритмы которого по-разному накладываются на отдельные стадии его жизненного цикла¹. Их сложное переплетение охватывается категорией *индивидуального прошлого*, или *индивидуального опыта*, всего непосредственно пережитого индивидом и так или иначе отложившегося в его сознании.

Разумеется, этот трехуровневый комплекс «индивидуальное — социальное — всеобщее» требует адекватной интерпретации как в биографиях выдающихся исторических деятелей, так и в жизненных историях тех, кто играл в драме истории отнюдь не главную роль. Но именно в последних он проявляется, пожалуй, наиболее рельефно. Сегодня, когда начатый в 2003 г. проект «Человек второго плана в истории»², существенно продвинул исследования проблематики «персональной истории» в российской историографии, стала вполне очевидной плодотворность исходной установки на изучение уникального человеческого содержания истории и «неоднозначных взаимодействий человека и социума... как раз в жизни и судьбе так называемого человека второго плана»³. Нельзя не согласиться с тем, что «человек второго плана» занял в фокусе современного гуманитарного познания «стратегически важный “плацдарм” между “безмолвствующим (и безымянным) большинством”, “типичным человеком” и “актерами”, “творцами истории”»⁴.

Исследовательский проект «Человек второго плана в истории» осуществляется на основании методологических разработок и на научно-организационной базе Ростовского регионального отделения Общества интеллектуальной истории с привлечением широкого круга исследователей из многих университетов и академических институтов России. В первом же выпуске сборника

¹ Подробнее об этом см.: *Le Goff J.* Saint Louis. P., 1995. P. 23–24.

² См.: *Человек второго плана в истории* / Отв. ред Н. А. Мининков. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2004; Вып. 2. 2005; Вып. 3. 2006; Вып. 4. 2007; Вып. 5. 2008.

³ От редакции // *Человек второго плана в истории*. Вып. 1. С. 3.

⁴ *Мининков Н. А., Кореневский А. В., Иванеско А. Е.* Человек второго плана в контексте современной историографии // *Человек второго плана в истории*. Вып. 2. С. 6.

«Человек второго плана в истории» была обозначена его концептуальная база (как по принципу «от противного»¹, так и в конструктивном плане).

Определяя типологические признаки человека второго ряда, Н. А. Мининков очень точно отделяет его как от главных действующих лиц истории, так и от ее «статистов», подчеркивая, что «роль его в том деле, с которым он связан, весьма значительна», и в этом смысле «такой персонаж далеко не является второстепенным или случайным лицом»². Это положение имеет ключевое значение для идентификации исследовательского пространства нового направления биографической истории, хотя не совсем корректно была поставлена проблема источниковой базы. Здесь, видимо, надо делать акцент не на ее неполноту (количественную характеристику), а на ее *качественную специфику*. Речь ведь идет не просто о том, что обычно исследователю не хватает источников для создания полной биографии человека второго плана (в том числе по значимым периодам жизни и особенно относительно людей далекого прошлого) и биография воссоздается в виде фрагментов. Дело в ограниченности *видового спектра* имеющегося комплекса источников, что определяет наличие или отсутствие важнейшей информации относительно эмоциональной и когнитивно-рефлексивной составляющих деятельности индивида, а также доступность или недоступность для исследователя необходимых сведений о мотивации принимаемых им решений в ситуациях личного и исторического выбора.

Также весьма важным представляется наблюдение о том, что «изучение второго ряда сближается в определенной степени с процессом исторического познания методами художественного творчества», и о значении в связи с этим аксиологического подхода, который соотносит дела героя «с определенной системой ценностей»³. Это очень верно — и такое соотношение является одним из методов создания полноценной биографии из известных фрагментов жизни индивида. Но здесь также важно историческое воображение и интуиция, которые сближают историка и романиста, не отменяя различия в главном — в четком осознании границ домысливаемого, его гипотетического характера, а также в требовании достаточно сложных критических процедур. Так, согласно концепции итальянского историка Джованни Леви, благодаря контекстуальному подходу к исторической биографии, который

¹ Отрадно, что, в целом поддерживая тезис насчет «обезлюдившей истории» в советской историографии, Н. А. Мининков, тем не менее, вовсе не абсолютизировал его, указав и на противоположную тенденцию — вплоть до создания ярчайших образцов в историко-биографическом жанре, таких как «Наполеон» Е. Тарле и А. Манфреда и др. См.: Мининков Н. А. Человек второго ряда как исследовательская проблема // Человек второго плана в истории. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2004. С. 5–6. В этой связи можно также вспомнить замечательные биографии Оливера Кромвеля и Джерарда Уинстенли, созданные Т. А. Павловой, не говоря уже о шедеврах Натана Эйдельмана.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 10–11.

использует общий культурно-исторический контекст для реконструкции (по имеющимся параллелям) утраченных фрагментов биографии своего героя, большей частью удается не растворить в нем индивидуальные черты, «сохранить равновесие между специфичностью каждой судьбы и совокупностью общественных условий»¹. И хотя в основном этот метод применяется в историко-антропологических исследованиях², в которых воссоздание так называемых *биографий простых людей* занимает некоторое промежуточное положение между целью и средством, его аналог может помочь «возместить» утраченные фрагменты и в биографии человека «второго» плана.

«Человек второго ряда» — это метафора: по существу, речь идет практически о любом индивиде, не зафиксированном на историческом экране «самым крупным планом», о переносе исследовательского интереса на человека, который находится за пределами круга первых лиц исторической драмы, вне известной номенклатуры великих исторических личностей, играющих главные роли и заполняющих собой пространство так называемой Большой истории. Но это, конечно, научная метафора³, она имеет значимый эвристический потенциал, который не случайно оказался востребованным.

В этой связи интересна дефиниция «человека второго плана» как «личности незаурядной, но не претендующей на движущую роль в истории, не обогнающей время, но, тем не менее, *как никто другой отражающей в делах и мыслях основные коллизии своей эпохи* (курсив мой — Л.Р.)»⁴. Именно

¹ Levi G. Les usages de la biographie // Annales E. S.C. 1989. A. 44. № 6. P. 1325–336.

² Достаточно напомнить ставшие уже классическими книги Натали Земон Дэвис о Мартене Гепре (*Davis N.Z. The Return of Martin Guerre. Harmondsworth, 1985*), Даниэля Роша о стекольщике Менетра (*Roche D. Journal de ma vie. Jacques-Louis Menetra, companion vitrier au 18e siecle. Paris, 1982*), Алана Макфарлейна о священнике Ральфе Джосселине (*Macfarlane A. The Family Life of Ralph Josselin, a Seventeenth-Century Clergyman. An Essay in Historical Anthropology. Cambridge, 1970*) и многие другие.

³ О роли метафор в историческом познании см., в частности, широко известные работы Войцеха Вжозека: *Вжозек в. Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки»* // Одиссей. Человек в истории. 1991. С. 60–74; *Он же. Метафора как эпистемологическая категория (соображения по поводу дефиниции)* // Одиссей. Человек в истории. 1994. С. 257–264.

⁴ Кореневский А.В. Неукротимый ересиарх (штрихи к портрету Н.С. Ильина // Человек второго плана в истории. Вып. 1. С. 80. Чаще всего дефиниции строятся «от противного»: люди второго ряда — это те, которые не вписываются в понятие «людей первого ряда»; они «далеко не всегда являются самыми заметными фигурами общественной жизни, далеко не всегда они занимают первые места среди политической элиты, пользуются признанием и авторитетом в обществе», человек второго плана «не относится к числу людей, с чьим именем связаны глобальные изменения» в жизни общества и государства, но тем не менее является «немаловажной фигурой», «оказывая незримое, но, в то же время, значительное влияние на